

РАЗМЫШЛЕНИЯ О СКРЫТЫХ СМЫСЛАХ ДИСКУССИИ ПО ПРОБЛЕМЕ ЯКОБИНСКОЙ ДИКТАТУРЫ (60-Е – 80-Е ГОДЫ XX В.)

*А.В. Чудинов**

Ни в Российской империи, ни в СССР история Французской революции никогда не была предметом сугубо академического интереса. Та или иная трактовка Революции нередко оказывалась для российских историков средством выразить свое отношение к общественно-политической ситуации в своей стране. Иногда подобная связь между историей Французской революции и российскими реалиями проводилась открыто, иногда она носила имплицитный характер¹. В последнем случае публике предстояло самой догадываться о том скрытом смысле, который историк пытался вложить в свою интерпретацию какого-либо из революционных эпизодов. Разумеется, подобная недосказанность была чревата возможностью разночтений и порой могла привести к неадекватному истолкованию позиции автора. Примером такого взаимного непонимания стала, на мой взгляд, дискуссия 60-х – 80-х годов между историками Ленинграда и Москвы о сущности якобинской диктатуры².

Если исходить только из научного содержания дебатов, то нельзя не удивиться их крайне резкому тону, ведь базовые методологические позиции участников были практически идентичны. И начавший полемику ленинградский профессор Владимир Георгиевич Ревуненков, и выступившие его основными антагонистами московские историки Альберт Захарович Манфред и Виктор Моисеевич Далин разделяли традиционную для марксистско-ленинской историографии трактовку Французской революции как «буржуазной» и исходили из ленинского положения о том, что любая политическая «партия» неизменно «выражает интересы» того или иного общественного класса. Участники спора расходились лишь в относительно частном вопросе: чьи интересы

Александр Викторович Чудинов, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

* Сокращенный вариант этой статьи опубликован в журнале «Неприкосновенный запас» (2007).

¹ Подробнее см.: Чудинов А.В. Французская революция: история и мифы. М., 2007. Гл. 1. Русский культ Французской революции.

² Подробнее об ее ходе см.: Летчфорд С.Е. В.Г. Ревуненков против «московской школы»: дискуссия о якобинской диктатуре // ФЕ 2002. М., 2002.

выражали якобинцы? Тем не менее, полемика по этому вопросу носила, пожалуй, даже более острый характер, чем традиционная для советской науки критика «буржуазных фальсификаторов истории». Объяснение подобному парадоксу, как мне кажется, надо искать именно в тех скрытых смыслах, которые придавали дискуссии ее участники. Поскольку сами они никогда эти смыслы публично не вербализовали, сегодня приходится реконструировать те по различному рода косвенным признакам, что неизбежно придает любой интерпретации данной дискуссии более или менее гипотетический характер.

Прежде, чем перейти к рассмотрению собственно предмета спора, скажу несколько слов о ситуации тех лет в советской историографии Французской революции.

С первых дней существования советской, марксистско-ленинской историографии ее характерной чертой была уверенность в своем абсолютном превосходстве над всеми остальными направлениями исторической науки. Первые советские историки были убеждены, что только они, обладая «единственно верной» методологией – марксистско-ленинской, способны дать «истинно научное» объяснение историческим событиям³. Во второй половине 30-х годов Институт истории Академии наук СССР начал работу над многотомной «Всемирной историей», которая должна была дать «окончательное» истолкование прошлому человечества⁴. Во главе этого предприятия стоял ведущий функционер государственного руководства исторической наукой академик Николай Михайлович Лукин, являвшийся также признанным лидером советской школы историков Французской революции⁵. Под его же руководством в рамках этого глобального проекта велась работа и над томом собственно по истории Французской революции⁶.

«Всемирная история» тогда так и не вышла: в период «Большого террора» 1937–1939 гг. многие работавшие над ней историки стали жертвой репрессий, в том числе и руководитель проекта академик Лукин. Однако том о Французской революции все же увидел свет в 1941 как самостоятельный коллективный труд⁷. И хотя имя Лукина

³ Об этой и других характерных особенностях ранней советской историографии см.: *Гордон А.В.* Власть и революция: Советская историография Великой французской революции. 1918–1941. Саратов, 2005. Гл. 1.

⁴ История этого грандиозного, но несостоявшегося проекта еще ждет своего исследователя, однако освещение отдельных сторон данной темы уже начато отечественными историками. См., например: *Кондратьев С.В., Кондратьева Т.Н.* Наука «убеждать», или Споры советских историков о французском абсолютизме и классовой борьбе (20-е – начало 50-х гг. XX века). Тюмень, 2003. С. 50 и далее.

⁵ Подробнее о нем см.: *Чудинов А.В.* Историк воюющий: Н.М. Лукин // Историк и власть: советские историки сталинской эпохи. Саратов, 2006.

⁶ О роли Н.М. Лукина в подготовке «Всемирной истории» см.: *Дунаевский В.А., Цфасман А.Б.* Николай Михайлович Лукин. М., 1981. С. 128, 135–136, 157–159.

⁷ Французская буржуазная революция 1789–1794 / Под ред. В.П. Волгина и Е.В. Тарле. М.–Л., 1941.

среди его создателей не значилось, авторы, среди которых были и ученики опального академика, широко использовали его идеи. Это, в частности, касалось трактовки «классового содержания» режима революционного правления. Еще в 1934 г., в программной статье «Ленин и проблема якобинской диктатуры» Лукин использовал для определения этого режима понятие «революционно-демократическая диктатура», разработанное Лениным по отношению к русской действительности в период революции 1905–1907 гг. По мнению Лукина, это понятие было применимо и для характеристики французских реалий XVIII в. Классовой опорой якобинцев, утверждал он, был «левый мелкобуржуазный блок городского мещанства, “плебейских элементов городов” и демократического крестьянства»⁸. Характеристика режима революционного правления как «революционно-демократической “диктатуры общественных низов”», получила отражение и в коллективном труде 1941 года⁹.

После того, как эта книга увидела свет, исследования в СССР по истории Французской революции вступили в период длительного спада. Причиной тому во многом была утрата учеными перспектив дальнейшей разработки темы, ибо считалось, что «канонический» труд 1941 года дал практически исчерпывающее решение всех связанных с нею проблем. Не удивительно, что наиболее значительным в тот период изданием о Французской революции стал выпущенный в 1950 г. Манфредом, учеником Лукина, ее обобщающий очерк, фактически являвшийся популяризацией идей тома 1941 года¹⁰.

Активное изучение Революции возобновилось в СССР с середины 50-х годов. Этому способствовало и общее оживление духовной жизни в период политической «оттепели», последовавшей за смертью Сталина, и возобновление научных контактов с французскими коллегами, и возвращение из тюрем репрессированных историков – В.М. Далина, Я.М. Захера, С.А. Лотте и др. Во второй половине 50-х – первой половине 60-х годов вышли многочисленные работы по истории Французской революции как исследователей старшего поколения, так и молодых историков – А.В. Адо, Г.С. Кучеренко, А.В. Гордона и других¹¹.

Вместе с тем, и в этот период коллективный труд 1941 года продолжал сохранять свое «каноническое» значение. Развивая и дополняя его по конкретным вопросам, советские исследователи не ставили под сомнение содержащиеся в нем общие оценки истории Революции. Так, в отношении якобинской диктатуры по-прежнему доминирующей

⁸ Лукин Н.М. Ленин и проблема якобинской диктатуры // Лукин Н.М. Избранные труды в трех томах. М., 1960. Т. 1. С. 359.

⁹ Французская буржуазная революция 1789–1794. С. 336.

¹⁰ Манфред А.З. Французская буржуазная революция конца XVIII века (1789–1794). М., 1950.

¹¹ Подробнее см.: Гордон А.З. «Десталинизация» Французской революции конца XVIII века // Россия и Европа: Дипломатия и культура. Вып. 2. М., 2002.

оставалась концепция Лукина. В начале 60-х годов его работы о Французской революции были переизданы, что являлось подтверждением их актуальности. В частности, его оценка режима революционного правления как «революционно-демократической диктатуры» активно поддерживалась Манфредом, который в 50-е годы стал признанным лидером советской историографии Французской революции. В 1956 г. Манфред выпустил второе, дополненное издание своего обобщающего очерка, где вновь в популярной форме воспроизвел основные положения «канонического труда» 1941 года¹². Эта работа была весьма благожелательно встречена научным сообществом, поскольку содержащиеся в ней оценки разделялись большинством советских специалистов по Французской революции.

Критика доминирующей концепции якобинской диктатуры прозвучала извне этой профессиональной корпорации. В 1966 г. ленинградский профессор Ревуненков издал книгу «Марксизм и проблема якобинской диктатуры», выполненную в смешанном жанре историографического очерка и марксистской экзегезы. Анализируя сочинения Маркса и Энгельса, автор делал вывод, что, если классики марксизма в своих ранних сочинениях характеризовали якобинскую диктатуру как «власть народа», то уже в своих «зрелых» трудах они трактовали якобинскую политику как «буржуазно-ограниченную», а выразителями интересов народа считали политические группировки «левее Робеспьера» – эбертистов и «бешеных»¹³.

В отношении идей Ленина Ревуненков придерживался двойственного подхода. С одной стороны, он полностью принимал ленинскую концепцию революционно-демократической диктатуры и считал возможным экстраполировать ее на реалии Французской революции¹⁴. С другой – он не соглашался с Лениным в позитивной оценке якобинской диктатуры как «диктатуры трудящихся», считая, что такая оценка наваяна прочтением ранних, «незрелых» работ К. Маркса и Ф. Энгельса, а особенно влиянием «социал-реформистской историографии»¹⁵, к которой Ревуненков относил Г.В. Плеханова, К. Каутского, Ж. Жореса, Г. Кунова и даже П.А. Кропоткина¹⁶. По мнению Ревуненкова, «зачатком» революционно-демократической диктатуры «низших классов» в 1793–1794 была «санкюлотская демократия» секций и Коммуны Парижа. Конвент же олицетворял собой «диктатуру буржуазии». Иными словами, во Франции имело место «двоевластие», схожее с тем, что установилось в России 1917, когда параллельно существовали Временное правительство и Советы. По мнению Ревуненкова, эту

¹² Манфред А.З. Великая французская буржуазная революция. М., 1956.

¹³ Ревуненков В.Г. Марксизм и проблема якобинской диктатуры. Л., 1966. С. 48–49.

¹⁴ Там же. С. 81, 97–99.

¹⁵ Там же. С. 95–96.

¹⁶ См.: Там же. Гл. 2.

теоретическую схему полностью подтверждают факты, приведенные в диссертации Альбера Собуля¹⁷.

Таким образом, Ревуненков выдвинул концепцию якобинской диктатуры, принципиально отличную от концепции «канонического» труда 1941 года. Его подход предполагал несколько меньшую зависимость от соответствующих оценок, высказанных классиками марксизма-ленинизма, чем могли позволить себе его предшественники. Это стало возможно, благодаря установлению относительного свободомыслия в период идеологической «оттепели». Действительно, претензия на то, чтобы «очистить» идеи Ленина от «социал-реформистских» влияний, пусть даже в такой ограниченной области как трактовка якобинской диктатуры, в сталинскую эпоху жесткого догматизма была бы чревата для автора трагическими последствиями.

Вместе с тем, Ревуненкову было столь же присуще идеологическое мессианство, как и его предшественникам. Он считал, что только его концепция является «истинно» марксистской, поскольку строится на положениях «зрелых» трудов Маркса и Энгельса, ленинском учении о революционно-демократической диктатуре и фактах, изученных историком-марксистом Собулем. Ну а поскольку в марксизме двух истин быть не могли, сторонников иных точек зрения Ревуненков обвинял в неспособности правильно понять идеи Маркса, Энгельса и Ленина. Его оценки большинства работ советских историков 20-х – 30-х годов носили резко негативный характер. Особенно много критики досталось академику Лукину:

«Слабость концепции Лукина заключалась не только в том, что она мало соответствовала ленинской теории революционно-демократической диктатуры “низших” классов. Эта концепция еще меньше соответствовала историческим фактам»¹⁸.

«Попытка Лукина доказать, что именно якобинская диктатура (по крайней мере на своем высшем этапе) являлась той специфической формой, в которой в ходе Великой французской революции сложилась революционно-демократическая диктатура “низших” классов, оказалась неудачной. Концепция Лукина не соответствовала *существованию* ленинской теории революционно-демократической диктатуры “низов” и явно противоречила историческим фактам, говорившим о буржуазном характере якобинской диктатуры и ее политики по отношению к рабочим, в аграрном вопросе и т.д.»¹⁹

С его коллегами ленинградский профессор тоже не деликатничал:

«В наибольшей степени идеализация якобинской диктатуры была свойственна, пожалуй, Ц. Фридлянду, который приводя отдельные

¹⁷ Ревуненков В.Г. Марксизм и проблема якобинской диктатуры. С. 137–147.

¹⁸ Там же. С. 128.

¹⁹ Там же. С. 130. Курсив – В.Г. Ревуненкова.

цитаты из произведений Ленина, но не давая себе труда проанализировать взгляды Ленина на якобинцев в их целом, в их развитии, начисто отрицал буржуазную природу якобинской диктатуры»²⁰.

Попало и ученикам Лукина, в первую очередь Манфреду:

«Разумеется, точка зрения Манфреда, который видел в якобинской диктатуре фактически диктатуру средней и мелкой буржуазии, лишь опирающуюся на плебейские массы, но который тем не менее относил эту диктатуру к открытому Лениным особому типу народной революционной власти, т.е. к революционно-демократической диктатуре, еще меньше соответствовала существу взглядов Ленина»²¹.

Впрочем, если в своей книге Ревуненков задел Манфреда лишь походя, то год спустя в статье «Проблема якобинской диктатуры в новейших работах советских историков» он обрушился на него с персональными обвинениями в «неправильной» трактовке взглядов классиков марксизма:

«Манфред, как и Лукин, приводит в подтверждение своей оценки якобинской диктатуры немало произвольно толкуемых цитат из произведений классиков марксизма-ленинизма. Но он, как и Лукин, не проанализировал взгляды Маркса, Энгельса и Ленина на якобинцев и якобинскую диктатуру действительно исторически, т.е. в их развитии и в их связи с состоянием современной им исторической науки. Манфред оказался не в состоянии отделить принципиальные теоретические положения, которые великие основоположники марксизма-ленинизма сформулировали по коренным проблемам истории Великой французской революции и которые являются прочной методологической основой для конкретно-исторических исследований, от тех их оценок и характеристик, которые были обусловлены лишь определенным уровнем изучения фактической истории этой революции»²².

Выступление Ревуненкова произвело на современников ошеломляющее впечатление. Речь явно шла не о чисто научных разногласиях, поскольку ранее Ревуненков никогда не занимался проблемами Французской революции, а был известен как автор работ по новой истории Германии и международных отношений XIX в.²³ Тон полемики также

²⁰ Там же. С. 124.

²¹ Там же. С. 131.

²² Ревуненков В.Г. Проблема якобинской диктатуры в новейших работах советских историков // Проблемы всеобщей истории. Историографический сборник / Под ред. В.Г. Ревуненкова. Л., 1967. С. 84 и далее.

²³ О творческом пути этого историка см.: Евдокимова Н.П., Петрова А.А. В.Г. Ревуненков – ученый, человек, гражданин // Великая Французская революция, империя Наполеона и Европа. Материалы международной научной конференции, посвященной памяти профессора В.Г. Ревуненкова. СПб., 2006. С. 5–24.

выходил за рамки обычной академической дискуссии. По сути, ведущие советские историки Французской революции были обвинены в искажении идей классиков марксизма-ленинизма, то есть в ревизионизме, который и в 60-е годы оставался для правившей Коммунистической партии тяжким идеологическим преступлением. Естественно было предположить, что это выступление несет в себе некий скрытый смысл. Но какой?

Любопытно, что сам Ревуненков до конца жизни, а прожил он 93 года и умер в 2004 г., никогда публично не высказывался о мотивах, которыми он руководствовался, начиная указанную дискуссию. Едва ли можно принять всерьез его «признание» в одной из поздних бесед со своим учеником Сергеем Коротковым, что однажды он просто увидел в библиотеке книгу Собуля, открыл ее и испытал своего рода прозрение: то, «что писали советские историки о Французской революции, никуда не годится»²⁴. Даже если и так, то это ничуть не объясняет тот пафос, который он придал своему выступлению. Поэтому нам сегодня приходится только догадываться об этих скрытых мотивах, опираясь на некоторые косвенные признаки.

Разбор теоретических «ошибок» оппонентов Ревуненков неизменно завершал упреком в том, что эти «ошибки» привели к «идеализации» и «канонизации» якобинской диктатуры в целом и Робеспьера в частности. Напротив, трактуя режим революционного правления как «буржуазную диктатуру», Ревуненков осуждал, с одной стороны, «перегибы и крайности» якобинского террора, с другой – правительственную централизацию, которой он противопоставил «прямую демократию» секций как «высший тип революционной власти» того времени. Такой подход имел явное сходство с предпринятыми после XX съезда КПСС попытками советских исследователей российской истории, с одной стороны, осудить «перегибы и крайности» сталинского режима, не ставя под сомнение легитимность революционного насилия в целом, с другой – подчеркнуть значение демократического потенциала диктатуры пролетариата.

В пользу предположения о том, что Ревуненков мог руководствоваться схожими мотивами, свидетельствует, на мой взгляд, его апелляция к книге историков-русистов Ю.Ф. Карякина и Е.Г. Плимака²⁵. Ее авторы, тогда активные «шестидесятники», а 20 лет спустя – известные «прорабы Перестройки», обсуждая взгляды писателя XVIII в. А.Н. Радищева, достаточно определенно высказывались против попыток любых революционных властей «опираться на государственный террористический аппарат, а не на плебейские массовые организации»²⁶. Таким

²⁴ Цит. по: Коротков С.Н. Памяти В.Г. Ревуненкова // ФЕ 2005. М., 2005. С. 301.

²⁵ Ревуненков В.Г. Проблема якобинской диктатуры в новейших работах советских историков. С. 89–92.

²⁶ Карякин Ю.Ф., Плимак Е.Г. Запретная мысль обретает свободу. 175 лет борьбы вокруг идейного наследия Радищева. М., 1966. С. 289.

образом, можно с известной долей вероятности предположить, что критика Ревуненковым яacobинской диктатуры несла в себе косвенное осуждение сталинского режима. Именно это, думаю, и определило полемический пафос выступления Ревуненкова: ведь в таком случае он вел речь уже не столько о далеких событиях почти двухвековой давности, сколько о совсем недавнем, еще кровоточившем прошлом.

Однако лидеры профессиональной корпорации советских исследователей Французской революции, Манфред и Далин, похоже, увидели в его выступлении совершенно иной смысл. Если для Ревуненкова, никогда в эту корпорацию не входившего, критикуемые им историки могли восприниматься всего лишь как авторы неприемлемых для него концепций, то для Манфреда и Далина это были хорошо знакомые люди, соученики по «школе Лукина», коллеги, многие из которых стали жертвами сталинских репрессий.

Кроме того, в немалой степени реакцию Манфреда и Далина определило, думаю, и то, что многие из тех, кого Ревуненков фактически обвинил в ревизионизме, имели еврейскую национальность. Тогда еще совсем свежа была память о проходившей в конце 40-х годов кампании против «космополитизма» – одном из наиболее ярких проявлений государственного антисемитизма последних лет сталинского правления. Более того, во второй половине 60-х годов в связи с усиливавшимся еврейским движением за переезд в Израиль официальная пропаганда СССР развернула кампанию против сионизма, фактически имевшую антисемитский подтекст. Ее отголоски были слышны и в академической среде. Вот как об удушливой атмосфере тех лет вспоминает А.В. Гордон:

«Вторая половина 60-х была временем бoрения полярных тенденций: еще продолжались идейно-теоретические поиски “шестидесятников”, но уже явственно проступали “родимые пятна” реакции, включая антисемитизм. <...> Трюизмом сделались суждения о мутной волне низменных человеческих страстей, поднимаемой революционными событиями. Ради исторической справедливости и как очевидец должен заметить, что реакция, политическая или идеологическая, торжествующая или оппозиционная, на коллективном или индивидуальном уровне не отличается моральной чистотой. В 60-х реакция дышала личными обидами, статусной ущемленностью, подспудными ощущениями нереализованности и несостоятельности, а больше всего элементарной завистью. Типичный случай – отношение к моим научным руководителям. Манфред и Далин были не просто талантливыми людьми; их неординарность слишком выделялась по контрасту с незаметностью и тех, у кого таланта попросту не было, и тех, кто приучился скрывать его наличие»²⁷.

²⁷ Гордон А.В. Встречи с В.М. Далиным // ФЕ 2002. М., 2002. С. 42–43.

Не удивительно, что высказанные в весьма резкой форме идеологические обвинения Ревуненкова в адрес историков-евреев вполне могли быть восприняты Манфредом и Далиным как сигнал к началу соответствующей идеологической кампании в академической среде. Тем более что предыдущие «проработки» ученых нередко так и начинались – с критического выступления «человека со стороны», неизвестного в данной профессиональной корпорации. Например, последняя в жизни академика Е.В. Тарле «проработка» началась с письма в журнал «Большевик» никому в научной среде неведомого директора музея «Бородинская панорама» С. Кожухова²⁸.

Думаю, именно подобная эвентуальная угроза в немалой степени обусловила тот жесткий тон, в котором Манфред и Далин ответили своему оппоненту. Правда, произошло это не сразу. Сначала Манфред опубликовал в журнале «Вопросы истории» статью, где, не упоминая Ревуненкова, фактически попытался опровергнуть его критику и доказать марксистскую ортодоксальность своей трактовки якобинской диктатуры²⁹.

Однако Ревуненков продолжил наступление, выпустив еще целую серию статей³⁰. И тогда Манфред с Далиным решили дать ему генеральное сражение в открытой дискуссии перед лицом всего профессионального сообщества советских историков Французской революции. Для этого в Институте всеобщей истории Академии наук СССР в 1970 г. был созван симпозиум по проблемам якобинской диктатуры³¹. К участию пригласили всех ведущих советских специалистов по данной тематике. Однако Ревуненков на симпозиум не приехал, и его оппонентам пришлось вести с ним заочную полемику.

Тон на симпозиуме задавали Манфред и Далин. Первый председательствовал, выступил с вводным словом, принял активное участие в дискуссии и в заключительном слове подвел итоги прений, второй – сделал основной доклад. Тональность и содержание их выступлений показывает, что оба придавали гораздо большее значение идеологическому смыслу дискуссии, нежели ее непосредственному предмету. И Манфред, и Далин лишь в минимальной степени коснулись конкретных реалий французской истории 1793–1794 гг., а основные усилия сосредоточили на доказательстве того, что концепция Лукина и его учеников

²⁸ Подробнее см.: *Каганович Б.С.* Евгений Викторович Тарле и Петербургская школа историков. СПб., 1995. С. 98–99.

²⁹ *Манфред А.З.* О природе якобинской власти // ВИ. 1969. № 5.

³⁰ *Ревуненков В.Г.* Марат и мелкобуржуазная революционность // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Л., 1969; *Он же.* Санкюлоты и якобинцы // НиНИ. 1969. № 3; *Он же.* Новое в изучении Великой французской революции и взгляды В.И. Ленина // В.И. Ленин и историческая наука. Л., 1970.

³¹ Проблемы якобинской диктатуры: Симпозиум в секторе истории Франции Ин-та всеобщей истории АН СССР 20–21 мая 1970 г. // ФЕ. 1970. М., 1972.

имеет ортодоксально марксистский характер и что в «ересь» ревизионизма впал именно Ревуненков. Иными словами, речь велась не столько о том, чья исследовательская концепция лучше аргументирована с научной точки зрения, сколько о том, какая из них более благонадежна в идеологическом плане. Правда, свою аргументацию оба строили по-разному.

Далин преимущественно апеллировал к сочинениям классиков марксизма-ленинизма, подчеркивая, что именно Ревуненков их неправильно интерпретировал:

«Общая оценка [Ревуненковым] якобинской диктатуры и ее классовых корней расходится с ленинской».

«Основная ошибка В.Г. Ревуненкова – непонимание важнейшего принципиального положения Энгельса, многократно повторявшегося Лениным...»

«Возражения В.Г. Ревуненкова направлены вовсе не против Н.М. Лукина, а против Энгельса и Ленина», и т.д.³²

Манфред же пытался показать, что взгляды Ревуненкова идут вразрез с общей традицией изучения Французской революции советскими историками. Так, например, фраза Манфреда «я считаю, что это крайне неловкая ситуация, когда мы на 53-м году Советской власти должны защищать Марата»³³, должна была создать впечатление, что существует некий общепринятый и политически значимый (значимый для *Советской власти!*) позитивный образ Марата, на который Ревуненков совершил немыслимое посягательство.

А проведение параллелей между взглядами Ревуненкова и Даниэля Герена³⁴ было практически тождественно серьезному идеологическому обвинению, поскольку троцкизм, с которым имя Герена неизменно ассоциировалось в советской политической прессе, и в 60-е годы считался враждебным марксизму-ленинизму идеологическим течением.

Однако неожиданно для организаторов симпозиума обсуждение проблемы якобинской диктатуры пошло совсем по иному пути, нежели тот, на который они пытались его направить. Участвовавшие в дискуссии историки младшего поколения не поддержали ту тональность, в какой велась полемика их старшими коллегами с обеих сторон. Для Адо, Сытина, Гордона и др. гораздо более привлекательным оказалось обсуждение собственно научных аспектов темы якобинской диктатуры без поправок на какие-либо скрытые смыслы.

В результате, симпозиум 1970 г. стал не только кульминацией, но, по сути, и логической точкой в указанной дискуссии, показав, что та форма состязания в марксистской ортодоксальности, которую эта

³² Там же. С. 282, 283, 284.

³³ Там же. С. 302.

³⁴ Там же. С. 304.

дискуссия приняла, вызывает мало интереса у большинства представителей данной профессиональной корпорации, принадлежащих к более молодому поколению исследователей.

Впрочем, формально дискуссия продолжалась и позднее, но при этом уже выглядела как движение по кругу. Ее участники вновь и вновь воспроизводили в своих трудах те же самые суждения, которые высказали в ее начале, и тем самым создавали видимость продолжения спора, но без сколько-нибудь существенного его развития. Со смертью Далина в 1985 (Манфред умер в 1976) дискуссия прекратилась за исчезновением одной из участвующих сторон. Вместе с тем, ее эхо продолжало звучать в советской и российской историографии еще долгое время.

Ревуненков, намного переживший оппонентов, в своих работах вновь и вновь обращался к прежнему спору, но всякий раз интерпретировал его существо по-разному. Причем, эти интерпретации находились в прямой зависимости от его отношения к происходившим в тот момент событиям в России. Так, в 1988 г. он трактовал указанную дискуссию в понятиях доминировавшего тогда перестроечного дискурса как борьбу между «новаторской» и «застойной» тенденциями в советской науке³⁵. В 1992 г., давая интервью, Ревуненков ничуть не возражал против того, что журналист охарактеризовал его прежние взгляды как «ревизионизм»³⁶. Однако уже в середине 90-х, когда Ревуненков занял весьма критическую позицию по отношению к либерализации в России, он вновь оценил свое бывшее выступление как наиболее точное прочтение марксизма-ленинизма³⁷.

Еще более широким был разброс оценок в академической среде скрытых смыслов данной дискуссии. В 80-х, когда воспоминания о дебатах были еще свежи, мне не раз доводилось сталкиваться с тем, что одни трактовали критические выступления Манфреда и Далина в адрес Ревуненкова как «гонения еврейской профессуры на русского ученого», другие видели в выступлении Ревуненкова «бунт провинциальных историков против московской гегемонии», третьи считали эту полемику проявлением традиционной конкуренции московской и петербургской (ленинградской) научных школ.

И лишь одна версия, похоже, выглядела настолько невероятной, что даже не обсуждалась – то, что столь острый спор его участники могли вести о сугубо научной проблеме, не вкладывая в него дополнительно никакого скрытого смысла.

³⁵ В.Г. Ревуненков – А.В. Чудинову, 1 июля 1988 г. – Архив автора. Опубликовано в: *Летчфорд С.Е.* Указ. соч. С. 221.

³⁶ См.: Ревизионист // Смена 16 декабря 1992 г.

³⁷ См.: *Ревуненков В.Г.* Очерки по истории Великой французской революции: 1789–1914. СПб., 1996. Введение.